

Алимжан Хамраев

главный научный сотрудник
Института литературы и искусства
им. М. О. Ауэзова МОН РК,
доктор филологических наук

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕРШИНАМ КАЗАХСКОЙ ДУХОВНОСТИ

Осмыслить жизнь и творчество Мурата Мухтаровича Ауэзова в целостном плане и дать общую характеристику его трудам крайне сложно. Ведь он – одна из знаковых фигур общественно-культурной мысли современного Казахстана и, пожалуй, всего постсоветского пространства. Культурологический супертяжеловес. В трудах этого культуролога, философа, ученого сконцентрировано множество цивилизационных начал, основанных на ускоряющемся изменении объективной евразийской среды и осложнении этико-нравственных проблем XX – начала XXI века. К тому же Мурат Мухтарович – верный духовный последователь Абая и М. О. Ауэзова и наследник тысячелетней истории культуры казахского народа. Вот почему труды мыслителя, публициста, литературного критика и эстета Мурата Ауэзова, исключительно мощно ориентированного на целостность предмета, сложно объять и оценить. Неудержимое и бесконечное стремление ученого к познанию глубинных пластов национальной и мировой культуры изумляет. Без сомнения, труды великих художников всегда будут будоражить сознание современников и потомков и подвергаться тщательному исследованию на протяжении веков. Поэтому велика вероятность того, что с годами не ослабеет интерес к анализу творчества и феномена Мурата Ауэзова. Думаю даже, что труды его будут объективно охарактеризованы только с течением времени. Мы, современники, можем ощутить лишь величие его творческой мощи.

Книга Мурата Ауэзова «Времен связующая нить», прежде всего, о духовности, она полна основательности, уверенности и деликатности, рассказывает о том, что дорого для нас на этой земле, настойчиво призывает к единению душ – ведь это единственный путь сохранения тепла между людьми и ухода от Хаоса. «Невидимая нить всеобщего мира» не разорвется только тогда, когда будет прочна «связь времен и культур мира». Для поэта Бахытжана Канаяннова образ мыслителя пронизан вечной тайной мира словесности, странствие в котором ведет к совершенству. Он уверен, что книга «странствующего» степного мудреца непременно станет символом духовного пространства, предстанет некой магической формулой, торжественно манящей к нравственным ценностям. Литературовед Светлана Ананьева сравнивает содержимое книги с россыпью разноцветных камней – монисто, как у Гоголя и Блока.

«Времен связующая нить» – это духовная переключка эпох, мотивированно многозначная, таинственная степная символика, свидетельствующая о неудержимом стремлении автора вновь и вновь совершать открытия в увлекательном мире национального бытия. Нить преемственности причудливо уводит в глубину веков, указывая на общность многих цивилизаций.

В свое время известный казахстанский ученый Виктор Бадиков, высоко оценивая первый вариант данной книги, называл ее превосходной интеллектуальной прозой очень высокой пробы. Для нас очевидно, что книга нужна для узнавания мира, раскрытия глубинной сути понятия идентичности, необходимости постоянного диалога общества и цивилизаций, размышления о «непобедимой духовности, высокой нравственности, о

важности гуманитарного знания и роли культуры в жизни» каждого человека. Мир книги, безусловно, динамичен, гуманистичен, прогрессивен и с первых страниц нацелен на разрушение всевозможного рецептивного скептицизма.

Истоки активного национального эстетического сознания автора, алчущего откровений и ищущего путь для разгадки тайн, прежде всего, связаны с нравственным переосмыслением художественного наследия казахского народа от эпохи Абая до М. О. Ауэзова. Без понимания величия этих фигур, несущих с собой особый символический исторический подтекст, невозможно понять казахскую культуру вообще. Таково историко-культурное назначение эпохи Абая и Мухтара Ауэзова для талантливого мыслителя-философа. И такова функциональная и этико-нравственная роль книги «Времен связующая нить». Данное триединство, на наш взгляд, исторически символично и имеет сакральный смысл – как современная казахская степная духовная энергия, несомненно определяющая и указывающая на будущее историческое развитие общества.

Тут напрашиваются феноменальные параллели с русской культурой первой половины XIX века – золотой, как ее называют и воспринимают в национальной истории. Эпоха скрепила все достижения русской общественной мысли, русской души, ее современность и направленность на будущее развитие народа. Культура этого периода – явление уникальное, исключительное, подготовленное ходом исторического развития русского общества. Вся культура была проникнута одним духом, все знаковые личности эпохи были одухотворены одинаковыми устремлениями. Общество, несмотря на сопротивление обывателей, двигалось к одной цели и обеспечило период невинности и блаженства. Впрочем, сейчас нет смысла углубляться во все вопросы данной эпохи.

В этом плане культура казахского народа от Абая и до М. О. Ауэзова, несмотря на трудные и жестокие условия своего развития под тяжелым политическим гнетом, заложила основы для такого же скачка и национального прорыва. Она оказала огромное воздействие на все стороны социальной, политической и культурной жизни казахского народа, ускорила рост национального самосознания и дала мощный толчок духовному и нравственному развитию общества. Эпоха от Абая до М. О. Ауэзова, по Мурату Мухтаровичу, отмечена высочайшими вершинами казахской современной духовности. Этот период символизирует величие казахской души и нравственности, которые, как степной бюргун, обладают «неодолимой жизненной силой» и корнями уходят в глубь истории. Поэтому эстетико-культурные идеи великих мыслителей данного времени должны глубоко проникнуть в сознание каждого казахского человека, чтобы стать источником его духовной энергии. Только тот, кто в совершенстве познает Абая и Ауэзова, сможет понять древнюю и средневековую культуру тюркских народов и отыскать ее потерянные ключи в XX веке. Думаю, в этом сокрыт дух книги.

Первая книга Мурата Мухтаровича «Времен связующая нить» была также книгой кода, свидетельствующей об особой внутренней мобилизованности и масштабности мышления автора. В этом плане новая одноименная книга «Времен связующая нить», которая включает научные монографии по сравнительному изучению различных национальных литератур, освещает имплицитные проблемы межкультурного взаимодействия, неизменные духовные и нравственные ценности в контексте современных геополитических процессов, представляет доклады на международных симпозиумах, эссе, путевые очерки, дневники и интервью, нацелена на переосмысление мира кочевья, историко-культурных традиций различных народов, современного мирового литературного процесса, проблем полиэтничности и языковых, генетико-контактных взаимосвязей народов Центральной Азии. Это не просто книга, а Книга Бытия современности, демонстрирующая, как казахская словесность воспринимает лучшие достижения культуры других народов, углубляя при этом свою самобытность и оказывая влияние на развитие иных культур.

На рубеже двух веков Мурат Ауэзов приложил громадные усилия для того, чтобы мировоззрение казахского народа выражалось сконцентрировано, основываясь на богатстве столетнего духовного опыта – от гениального Абая до великого Мухтара Ауэзова. Переосмысление их трудов было необходимым и важным условием для созидания принципиально новой свободной страны и серьезного скачка общества вперед, в эпоху независимости. Эту духовность автор серьезно взыскует у общества. Мурат Мухтарович и не мог быть другим на стыке эпох тоталитаризма и независимости. В нем была сосредоточена огромная общественно-культурная энергия народа как составляющая часть политической

целесообразности, необходимой для национального прорыва на рубеже веков. Но, к сожалению, в течение долгого исторического времени наше общество всемерно испытывало ложное коммунистическое мировоззрение, пропитывалось им, серьезно дезориентировавшим людей изолированностью, закрытостью в силу своих же жестоких безнравственных законов и ошибок. Общество должно было поступательно и повсеместно избавиться от социальных грехов «тузсыз» («без соли», «пресный») и арсыз («без чести»), оставленных сторонниками тоталитаризма. Процесс оказался долгим и трудным.

Мурат Ауэзов в отличие от многих, сидящих на олимпе, осознанно выбрал «Путь Абая», и его жизнь объективно стала наполняться горькой правдой бытия. Для Мурата Ауэзова, как показывает история, чрезвычайно важна открытость системы, ее прозрачность. Все закрытые формы неизбежно ведут к разрушению. Он, как Юсуф Баласагуни, требовал Справедливости, особенно от тех, кто вершит судьбы народа. Вот почему слова М. Ауэзова обладают пронзительной силой, подпитанные предшественниками. Однако прислушивающихся к его Словам среди сытых и наделенных властью ничтожно мало. Глубоко осознавая серьезность сложившейся ситуации, он принимает мораль А. Тойнби: «Уйти, чтобы вернуться». Мурат Мухтарович, как и его великий отец М. О. Ауэзов, в течение долгого времени находился в нравственном «конфликте с обществом, иногда доходящем до разрыва». В поисках ответов на насущные проблемы бытия он уходил в глубь истории культуры. Отказ от «современности» закономерен. Ноდებაется, что любовь к обществу, несомненно, возвратит его к нам. Он нужен людям с благими намерениями и читающим молитву за свои прегрешения. Он нужен людям, которые хотят жить счастливо сегодня, а не в иллюзорном будущем.

«Любить – значит, жить жизнью того, кого любишь» – утверждал Лев Толстой. Отказ от эго и от себя ради ближнего – необходимый, как воздух, нравственный принцип, несмотря на то что он неактуален сегодня. «Времен связующая нить» может нести потенциальную угрозу тем, кто отказывается от данного духовного принципа. Любовь как философская категория у Мурата Ауэзова имеет мусульманский суфийский постулат. Это отмечал и востоковед Сафар Абдулло. Любовь – это радость, но и одновременно это переживание и страдание на пути к божественной Истине, то есть страдание из-за любви, переживание за безнравственность, боль души за умственное и физическое здоровье людей и общества и т. п. Через всю ткань высказываний Мурата Ауэзова проступает всеобщая любовь: нельзя победить ненависть без доброты, без искренней дружбы – вражду, без милосердия – жестокость. Личность, принципиально чувствующая эту разницу, ответственна перед историей и обществом, она не оставляет выбора и возможности людям с безответственными нравами.

М. М. Ауэзов подчеркивает, что в человеке всегда присутствует борьба между противоположными началами и чувствами. И абсолютно неправильно все время винить личность, напоминать об упущениях и ошибках. Ученый – последователь нравственного принципа Омара Хаяма, утверждавшего, что границей обиды является сам человек. И никто не вправе его осуждать. Только сопереживание ведет к истине. Величайшая мудрость Абая и М. О. Ауэзова, по мнению ученого, состоит в том, что в каждом индивидууме независимо от разреза глаз и цвета кожи они видели то светлое, за которым начинается осознанное родство душ. В человеке можно пробудить его лучшее чувства и качества, ведущие к преодолению темных сторон его духовной жизни. Внутренний мир человека многосторонен, одна из его составляющих может иметь злое начало. Важные качества личности – это чувствительная отзывчивость, предельная честность и справедливость, патриотизм и преданность. Именно эти свойства, по мнению автора, делают человека добрым, а общество – светлым и ведут людей к своим мечтам, избавляя их от черствости, лицемерия, эгоизма и лжи. В современном мире эти темные лики, к сожалению, преобладают. Таким духовным лидерам, как М. М. Ауэзов, морально тяжелее. Но их бунтарский светлый дух открывает форточку, по которой входит ветер очищения общественной комнаты нашего мироздания.

М. М. Ауэзов никогда не меняет нравственную температуру своих выступлений и высказываний. Гуманизм ученого исходит, прежде всего, из опыта национальной культуры с тысячелетней историей. Глубокие знания о зарождении и становлении национальной словесности и форм ее взаимодействия с другими культурами вновь и вновь заставляют мыслителя обращаться к образам славных предков. Духовный опыт знаковых исторических

личностей, как древних (Коркут, аль-Фараби, Ахмед Яссави, Алишер Навои и т. д.), так и современных (С. Торайгыров, М. Шокай, А. Алимжанов, О. Сулейменов и др.), непременно должен быть переосмыслен каждым потомком и обществом в целом.

Степь – это колыбель высокой нравственности, основа бессмертия кочевого народа и его сознания. Казахский народ знает истинную цену степной духовности и всегда ощущал безмерную энергию слова, проявляющуюся в грандиозных и вселенских масштабах пространства и времени. Поиск путей совершенства, который невозможен без переосмысления трудов великих личностей, для М. М. Ауэзова становится неизменным условием духовности и идеального канона. Великие личности обладали сакральным знанием основанным на высокой морали, которая и объединяла людей. Одним из таких избранных был С. Торайгыров.

М. М. Ауэзов называет легендарного поэта «носителем степного огня». Возможно, отсюда столь трепетное отношение к его поэтическому художественному слову. Лирика С. Торайгырова, по мнению ученого, символизирует не только тепло и свет, но и духовную стойкость, возвышенность нравственных устремлений, «героизм и жертвенность» во благо общества и служение истине и гармонии. И это служение, в первую очередь, требует отречения от Зла: «Служа волкам, ученые донине / не облегчили участи овец». Омар-хаямовский почерк пера С. Торайгырова подчеркнут автором по-особому.

М. М. Ауэзов неизменно следовал нравственному завету своего Отца – «Мұңлы Қоңыр»: «Ұлық болсаң, кішік бол» (Если ты велик, будь скромн), что не могло не отразиться в мягкой, одновременно поощряющей иронии его слов и действий.

Философ также все время переосмысливает и пропускает через свое сердце феномен Чингиза Айтматова. Именно великому киргизскому писателю, по мнению М. М. Ауэзова, удалось просверлить замкнутое тотальное пространство, искусственно созданное в XX веке, чтобы луч солнца мог проникнуть в глубинные тайны мира тьмы и создать условия для всепоглощающего озарения. Для мыслителя, проецирующего существенные аспекты мирозданий, Ч. Айтматов является универсальной нравственной формулой познания современного бытия, призывающей сделать правильный выбор не только каждого индивидуума, но и общества в целом. В то же время наследие Ч. Айтматова – это плодотворный путь наполнения духовности для всех рас, стремящихся развязать узел противоречий.

Глобальное исследование М. М. Ауэзовым тюркского духовного наследия позволяет взглянуть на многие произведения с разных ракурсов. Мысли ученого о трех величайших государственных мыслителях средневековья, изменивших, по мнению автора, тюркский мир до неузнаваемости – Тоньюкуке, Юсуфе Баласагуни и Алишере Навои, – заставили его поступательно переосмыслить их место и роль в культуре. Все они обладали невероятной духовной энергией! Всемирное значение этих личностей связано с глобальностью восприятия ими исторического времени и пространства. Они спасали мир тюрков от ложного, тревожного и разрушительного. Призывали к природному, естественному и красивому. Пророчество и предвидение государственных советников генетически обусловлены общественным ходом развития всего тюркского мира, который, может быть, не всегда был совершенным, но всегда был открытым. Эти личности глубоко осознавали, что изолированность всегда ведет к гибели.

М. М. Ауэзов долго размышляет над центральным, по мнению автора, образом «Қутадғу билик» Юсуфа Баласагуни – Одгурмыша, олицетворяющего достояние, и, как нам кажется, разделяет его философию одиночества. Но образ Одгурмыша, ушедшего от общества в горы, высвечивает идейное противостояние, характерное для средневекового тюркского мира. Одгурмыш противопоставлен аллегорическому образу Угдылмыша (Разума). Эта антитеза отражала внутренние противоречия среди суфистских мировоззренческих (левых и правых) течений того времени. Одиночество Одгурмыша связано с греховной и неизменной сущью общества. По его мнению, обязательным условием истинно верующих и служащих Богу является отказ от общества (кстати, так поступали почти все избранные: Будда, знаменитые суфии, такие как Ахмет Яссави и другие). Это парадоксальное для земледельческих народов сознание отражало, на наш взгляд, миропорядок кочевых племен, вытекаая из кочевого мировосприятия и соответствуя укладу жизни кочевых племен. Одгурмыш считал, что обществу трудно вырваться из оков трех греховных сладострастей («лэззэт»): прелюбодеяния, чревоугодия и властолюбия (связанного со стремлением к богатству). Уход от общества – единственный путь для спасения души. В этом плане

Угдылмиш с идеологией разума противостоит одинокому Одгурмышу. Он твердо убежден, что можно одновременно быть одиноким в обществе и жить ради людей, служить обществу. Общественным греховным сладострастиям можно противостоять путем ограничения чувственных желаний, внедрив понятие поста «нафс» в сознание человека. Постоянно находиться в ограниченном и полуголодном состоянии человеку крайне полезно. Сытый человек, как сытая собака, склонен к равнодушию и довольствию, его охватывает безразличие, и он перестает думать и мыслить, следовательно, трудиться. Юсуф Баласагуни встает на сторону Угдылмиша и его устами передает идею «хилвэт дэр энжуман», то есть жизнь ради других людей, которая является высшей, не сравнимой ни с чем ценностью и это, по мнению философа, должно стать основой бытия и смыслом жизни человека. В этом плане мир Одгурмыша, выбравшего одиночество среди природы, – основа кочевой надстройки, движения, святости и чистоты духа, постижения божественной истины. Нам кажется, что данный образ для М. М. Ауэзова не случайно стал близким и центральным. Мурат Мухтарович, как и Одгурмыш, «очень любит природу, и каждый выезд в степь <...> доставляет безмерное счастье». С этой точки зрения, миссию М. М. Ауэзова можно охарактеризовать как феномен переживающего свободомыслия, стремящегося к философии «жизнерадостного свободомыслия».

Для Мурата Мухтаровича, пытливого потомка кочевников, чрезвычайно важны экспедиции по философским местам. Он много путешествовал по Монголии, Алтаю, Ирану, Каспийскому региону, Иссык-Кулю, Дагестану, Калмыкии, Астраханской области и т. д. Любознательному ученому интересна удивительная атмосфера местности, язык, география, особые интонации жителей, свидетельствующие о первоприроде человека. Для глубинного осознания истоков духовности родного народа он часто посещает священные места Казахстана: Семей для ученого является источником неисчерпаемой мудрости, Туркестан – общетюркского духовного начала и единства, Каспий символизирует устремленность в будущее. Какие чувства порождают Америка, Пакистан, Финляндия, Грузия, Иран и Русь? Почему Мурата Мухтаровича вдохновляет Африка, Древняя Индия, экзотическая Япония, бывшая ренессансная Аравия, закрытый Китай? Все это заманчиво и потому чрезвычайно интересно.

М. М. Ауэзов не случайно выбирает путь странника-дервиша. В детстве вместе со своим знаменитым отцом он побывал у выдающегося киргизского манасчи Саякпая Каралаева. Чарующий голос провидца зачаровывал. Сакральная магия кюя, причудливо вплетенная в оригинальный рифменный узор, уводила в глубину истории. Кюй и стих для ученого стали проводниками в таинственный и манящий мир древности.

Меня удивляет способность Мурата Мухтаровича обнаруживать в духовной жизни различных народов невидимые процессы культурного взаимодействия и взаимовлияния, отмечать особую философию их жизни, понимать язык их природы. А ведь в этом, наверняка, и состоит сокровенность, таинственность полета мысли автора. Какая невероятная, невидимая для других духовная связь! Бесконечный поиск бессознательного единого и целого, древнего и современного, настоящего и будущего. Вот почему автор отмечает особую историческую важность государственной программы «Культурное наследие», в принятии которой он активно участвовал. М. М. Ауэзов назвал ее культурной программой созидательного смысла. Для ученого это эпохальный документ века, уникальность которого – в обозначении целостности истории, в возможности нивелировать «дискретность, фрагментарность и разорванность» национального сознания как негативного наследия тоталитарного прошлого. «Колодец времени» для него неисчерпаем и является сильным энергетическим посылом. Именно такое понимание истории способствует осознанию осевого характера развития эпохи, который неизменно разрушает всякую замкнутость и изолированность культуры.

Такое феноменальное свойство изначально было свойственно кочевым культурам. Сознанию кочевников современный мир обязан мировоззренческой концепцией тенгришаманизма, буддизма, суфизма, в основе которых неизменно присутствует учение о странствии, заключающееся, если быть кратким, в принципе движения и открытости. «Йорудум» с древнетюркского переводится как «странствую» и «светлый путь». Основы тюркского предиката «йорудум» (странствую) и «йоруқ» (светлый) оказываются странно близкими. Согласно кочевому восприятию, мир можно познать только в движении, в странствии, что вытекает из уклада сознания кочевника. Видимо, кочевые племена, ставшие впоследствии земледельцами, пытались привнести кочевой закон подвижничества

в мировоззренческую систему земледельцев. Идея «хилвэт дәр әнжуман» (Накшбанди) связана с восточным учением о «добродетельном городе», о необходимости и важности движения, динамики духовных мыслей (жить ради народа, жить чаяниями народа), размышлениями о «тапуғ» (служении) и т. д. Такая бинарная духовно-нравственная система, лежащая в основе суфистского мировосприятия, свидетельствовала о бесконечности мироздания, перерастая в эффективный и универсальный закон, особенно необходимый для переходного общества.

Таким образом, праведный путь по М. М. Ауэзову – это просвещение, пробуждение человеческого начала. Мы находимся в плену тотального «саморазрушительного» сна, и недостаточно пока у нас сил для всеохватного пробуждения. Для того чтобы проснулись гены, необходимо каждому сделать нравственный шаг к свиданию с историей, «раскрыв ветру жизни паруса», нужно быть готовым воспринять базовые ценности, уйти от «мелкотравчатых интерпретаций». Для проявления личностной зрелости на этом пути следует научиться проникать в природу родного языка, связывающего с историко-культурным процессом и обладающего способностью введения в глубокую древность. М. М. Ауэзов блестяще владеет «культурой устного и письменного слова» (одновременно казахского и русского). Особая красота его речи, образность, ритмичность и метафоричность способна воодушевить, разбудить и озарить мысль каждого, усилить в нем рефлекс на перемены. Обладая этой преобразовывающей языковой мощью, ученый живет с «ощущением избраннической миссии», в постулатах которой сконцентрированы нравственные ценности, мечты и идеалы казахского общества. Язык М. М. Ауэзова, проявляющийся в четырех знаковых формах (казахской и русской, устной и письменной), поистине демонстрирует сущность несокрушимости духа евразийства, который является особым символом для казахского общества начиная с постчингизовской эпохи, источником, опорой и неременным условием его эволюции. Языковая миссия ученого глубоко обусловлена исторической памятью, являющейся единственным способом возрождения историко-культурного наследия и несущей реальное очертание в поступательный процесс человеческого разума.

Абай говорил: «Даль не притягивает людей без крыльев», предпочитая людей с высокими духовными целями и идеями, яркой судьбой, навыками «восхождения на альпийские высоты» нравственности и эстетической цельности. С этой точки зрения, М. М. Ауэзов ниспослан нам, мирянам, и как посол Степи, и как гражданин цивилизации с уникальной философией. Он – одна из немногих личностей «степи и гор» одновременно, которой доверяют. Ему верят все: кочевники, земледельцы, священники, творцы, ученые, поэты, художники – все! Он добился веры людей, которые готовы вступить в нравственный диалог с действительностью и с самим собой. Думая об этом, он идет по пути великого кочевника Будды, знавшего, что проще зажечь свечу в темноте. Вслед за Байроном М. М. Ауэзов хочет, чтобы вознеслись гуманистические идеалы в обществе и воплотились идеи всеобщего просветления душ! Думаю, что будущее, несомненно, принадлежит таким людям, как он. Потому, что наш мир нуждается в людях, способных изменить представления о Вселенной.

